

Саша Игин

**Кухня без оценок
13: Завтрак для
внука**

Саша Игин

**Кухня без оценок 13:
Завтрак для внука**

«Автор»

2026

Игин С.

Кухня без оценок 13: Завтрак для внука / С. Игин — «Автор», 2026

Седьмой десяток лет — не повод сидеть сложа руки. Александр Николаевич заводит щегла с профессорским именем, старый кот Боцман учится делить территорию, а любимая Галка лишь качает головой. Но главное событие зимы — приезд внука Матвея, студента-москвича, который внезапно вырос и стал совсем взрослым. Запах блинов с творогом, честные разговоры на кухне, уроки приготовления ухи с пернатым наблюдателем и попытки поймать серебряную трель птичьего пения. Как научиться отпускать, но не терять связь? Как объяснить девятнадцатилетнему парню, что счастье — в простых вещах: горячем чае, мурчании кота и утренней песне? «Кухня без оценок» — это цикл теплых, слегка ностальгических рассказов о семье, времени и любви. Тринадцатая история — о том, что внуки растут, а бабушкины блины остаются вечными. Птица поёт, кот урчит, жизнь продолжается. Внук обязательно придет летом. Договорились.

© Игин С., 2026

© Автор, 2026

Саша Игин

Кухня без оценок 13: Завтрак для внука

Часть первая. Неожиданное пополнение

Глава 1. Утро перед каникулами

За неделю до приезда Матвея я проснулся с четкой, как рентгеновский снимок, мыслью: в доме кого-то не хватает.

Не то чтобы было пусто. Галка возилась на кухне — я слышал, как звякнула ее любимая кружка с петухами. Боцман, старый рыжий тиран, оккупировал мое место на подоконнике и шурился на солнце. Но тишина казалась неполной. Как будто в комнате не хватает одной важной ноты — негромкой, но той, что держит всю мелодию.

— Саша, ты чего задумался? Чай стынет, — спросила Галка, подавая мне дымящуюся кружку. От чая пахло мятой и медом.

— Не знаю. Скучно, что ли, — признался я, грея ладони о керамику. — Думал, может, завести птицу? Матвей приедет на каникулы, ему будет интересно. Мальчишке в его возрасте нужна живая душа, а не только гаджеты в телефоне.

— Птицу? В доме с котом? — Галка удивленно подняла бровь, и на лбу пролегла знакомая морщинка. — Ты, Александр, либо гений, либо самоубийца.

— Боцман старый. Ему, по кошачьим меркам, под девяносто. Он мышей не ловит, птиц тем более. А клетку повесим высоко, на кухонный шкаф. Не достанет.

Галка пожала плечами с видом человека, который давно перестал спорить с моими чудачествами.

— Дело хозяйское. Только не жалуйся потом, когда перья по всей квартире разлетятся. И не жди, что я буду подметать.

Боцман, услышав ключевое слово «птица», приоткрыл один глаз — зеленый, с вертикальной щелью зрачка. Навострил уши. Но, не поняв контекста и решив, что речь идет о чем-то неинтересном для его персоны, снова уронил голову на лапы.

Я допил чай, налил второй — уже на дорожку. Надел старую куртку, которая помнила еще Матвеевы пеленки, и вышел в серое утро. Зоомагазин ждал.

Глава 2. Магазин для животных

Магазин «Друг» находился в соседнем квартале, за продуктовым и ларьком с шаурмой. Маленький, уютный, он пах сеном, дробленным зерном и пластмассой. С порога меня оглушил визг морских свинок — кто-то требовал еды.

Продавщица, молоденькая девушка с косичками в русском стиле, обрадовалась живому покупателю.

— Доброе утро! Что ищете? Хомяка? Попугая?

— Птицу, — сказал я. — Небольшую. Чтобы пела. Чтобы голос был чистый, без истерики.

— Певчих у нас немного, — огорчилась девушка. — Канарейки закончились, завоз только через неделю. Есть щеглы — черноголовые. Очень красиво поют, серебряной трелью. Можете послушать.

Она показала на клетку в углу. Внутри, на деревянной жёрдочке, сидела птичка — не больше воробья, но какая важная! Голова чёрная, будто в бархатном колпаке, щёчки ярко-красные, спинка коричневая, а на крыльях — лимонно-жёлтые полоски. Прямо профессор в мантии.

Щегол вертел головой, посматривал на меня чёрными бусинками глаз. Смотрел вдумчиво, оценивающе. Я даже почувствовал себя абитуриентом на экзамене.

— Поёт? — спросил я.

— При чужих стесняется. Но дома, когда привыкнет и почувствует доверие, будет заливаться с утра до вечера.

— Беру, — сказал я, не торгуясь.

Я купил просторную клетку, корм с канареечным семенем, поилку-непроливайку, мелок для клюва и саму птицу. Девушка сказала, что прежние хозяева звали его «Гоша», но я твердо решил дать своё имя.

Дома я поставил клетку на кухонный стол. Боцман, дремавший на шкафу, мгновенно проснулся, спрыгнул вниз и напрягся всем телом. Птица замерла, как изваяние. Я открыл дверцу клетки — на случай, если захочет вылететь и ознакомиться. Но Профессор (а это был именно он) остался на жёрдочке.

— Будем знакомы, — сказал я серьёзно. — Ты теперь Профессор. Потому что умный, важный и, надеюсь, будешь нас учить музыке вместо радио.

Щегол чихнул — маленьким, сухим чихом. То ли имя не понравилось, то ли наоборот, одобрил. В орнитологии я был не силен.

Боцман подошёл к клетке медленно, с достоинством голодного льва. Понюхал прутья, выпучив глаза. Профессор отодвинулся на самый дальний конец жёрдочки, но не слетел.

— Не трогай, — предупредил я кота строгим голосом. — Это друг. Понял? Друг.

Кот обиженно фыркнул — всем видом показывая, что у него и так друзей полно — и ретировался на подоконник. Там он демонстративно отвернулся к стеклу.

Галка, выглянувшая из комнаты, увидела клетку и покачала головой.

— Ты с ума сошёл, Александр Николаевич. Кот съест птицу, и будут нам перья и кровь.

— Не съест. Я прослежу.

И я проследил. Первые три дня Боцман ходил вокруг клетки кругами, как тигр вокруг добычи. Прыгал на кухонный гарнитур, пытаясь заглянуть сверху. Но Профессор оказался не промах: он быстро понял, что реальной опасности нет (кот даже лапу не просовывал), и начал пищать — сначала робко, тоненько, потом громче и уверенней.

Кот привык. Через неделю он перестал обращать на клетку внимание. Они просто сосуществовали: два старых философа в одном доме.

На рассвете четвёртого дня случилось чудо. Я проснулся от звука — серебряной трели, которая лилась из кухни. Профессор пел. Он заливался так чисто, так звонко, что у меня защемило сердце. Ирина, моя первая жена, любила птичье пение. Она говорила: «Александр, рай — это когда просыпаешься не под будильник, а под соловья». Щегол — не соловей, но в то утро он пел, как ангел.

Глава 3. Звонок от Матвея

Зимние каникулы начались с телефонного звонка, который разбудил меня в восемь утра. Боцман, спавший на моей подушке, дёрнул ухом и неодобрительно приоткрыл один глаз. Профессор в клетке встрепенулся, издал короткое «чик», но спать не перестал — птицы вообще сони до девяти.

— Дед, — раздался в трубке голос Матвея. Он был низким, взрослым баритоном, без прежней мальчишеской хрипотцы, которая так трогала меня. — Я приеду завтра. На неделю. Можно?

— Можно, — ответил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Хотя внутри всё запело вместе с Профессором. — Как учёба?

— Нормально. Сессию сдал. Физру и историю на пять, высшую математику на четыре. Расскажу всё при встрече. Дед, а блины будут?

— А как же. С творогом, как ты любишь.

Положив трубку, я сел на кровати. Боцман, поняв, что больше не уснуть — дрыхнуть при таком оживлении бесполезно — потянулся, выгнул спину дугой и принялся умываться лапой. Профессор чирикнул раз-другой, пробуя голос, и затих в предрассветной дреме.

— Матвей едет, — сказал я коту, погладив его по рыжей шерсти. — Помнишь его? Он тебе колбасу давал. Не ту, что в магазине, а настоящую, докторскую.

Кот замер на секунду с поднятой лапой, будто перебирал в архивах памяти. Потом чихнул и отвернулся к стене. Но я заметил, как кончик его хвоста дрогнул. Боцман помнил.

— И ты, Профессор, — добавил я, подходя к клетке. — Будешь встречать дорогого гостя. Не подведи, пой погромче.

Щегол повернул голову на сто восемьдесят градусов и блеснул глазом — то ли согласился, то ли дал понять, что оставит за собой право выбора.

Глава 4. Подготовка генеральная

Галка, узнав новость, немедленно достала из шкафа чистое бельё — простыни, наволочки с вышивкой, пуховое одеяло. Для комнаты Матвея. Она была человеком действия.

Я отправился на рынок — за продуктами. Рынок по субботам — это отдельный спектакль. Тётя Зина за прилавком с рыбой, завидев меня, заулыбалась беззубой, но искренней улыбкой:

— Александр Николаевич! Снова внук приезжает? По глазам вижу.

— Откуда знаете, Зинаида?

— Вы всегда перед его приездом берёте семгу. И творог у молочницы. И мёд липовый. Я уж двадцать лет за вами наблюдаю. Память у меня, — она постучала себя по лбу, — лучше любого компьютера.

Я взял семгу — жирную, розовую, как заря. Творог в эмалированной миске, сметану густую, что ложка стояла. Деревенские яйца — с тёмно-оранжевым желтком. И ещё — банку мёда с липовым цветом, лимоны, муку высшего сорта. Галка сказала, что утром будет печь блины собственноручно — Матвей их обожал в детстве с вареньем из черной смородины.

Боцман, оставшись дома один, как мы узнали позже, перерыл все углы. То ли искал мышь (хотя их в доме не водилось), то ли готовил территорию к приёму гостя — вылизывал свою лежанку, точил когти о любимое кресло. Профессор спокойно сидел на жёрдочке и чистил пёрышки клювом. Кот к нему уже не подходил — привык, как привыкают к шуму лифта за стенкой.

Я купил и новый корм для щегла — лакомство с канареечным семенем и сушёной морковкой. Галка спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.